

Быть как Гагарин

О советских мечтах

Юлия Яковлева |

КАДР ИЗ ФИЛЬМА «ПЕРВЫЙ РЕЙС К ЗВЕЗДАМ» (1961)

ФОТО ИТАР-ТАСС

НИЧТО в истории не предвещало ни успехов российского космоплавания, ни даже открытия космоса. Потому что нельзя открыть то, чего нет. Древние славяне полагали, что небесный свод спускается в море: так что бабы там, когда стирают, кладут свои вальки на край земли. А больше ничего интересного. Как все приличные люди того времени, славянороссы считали землю плоской. Но, представьте себе, даже не пытались объяснить, на чем она стоит, висит или хотя бы плавает. Ну не падает и ладно, чего. Тогда как прочие народы хотя бы объяснили все слонем, китом и черепахой.

Вопросом, что там, надблиномземли, славяне не задавались тоже, благо все нужные боги здесь, под рукой. И только после парадоксального введения христианства допустили, что земля накрыта твердым куполом, а тот еще одним, а тот — еще, и так практичные семь раз, потому что вся конструкция должна как-то выстоять под тяжестью восседающих там Бога и святых с ангелами. Святой Георгий приоткрывал заслонку то поуже, то пошире, поэтому люди видели то круглую лунную дырку, то изогнутую лунную щель. Мироздание, таким образом, было большой избой. А поскольку космоса не было, первый полет Юрия Гагарина следует считать не открытием космоса, а его изобретением. Которое — как всякое человеческое изобретение — можно изменить, улучшить, приспособить. Которое в любом случае будет как скажем. В мгновение ока светлое коммунистическое будущее, которое на тот момент нехотя строила страна, превратилось в светлое космическое.

1961 год. Идея строительства светлого социалистического будущего уже так сильно испачкана в крови строивших и за-

щищавших, что скрыть это больше нельзя, вынести тоже. Уже прошел знаменитый хрущевский съезд, вернулись лагерные, скоро будет напечатан «Один день Ивана Денисовича», идея света утрачена, как девственность. А с космосом еще был шанс. И огромная энергия всеобщей мечты устремилась в просверленное кораблем «Восток» отверстие в твердом небесном своде. Каждый хороший мальчик, обдумывающий жите, хоть ненадолго видел себя космонавтом.

Об удивительной красоте Юрия Гагарина написано много. Ясное лицо, открытый спокойный взгляд, улыбка нежной радости. В древних славянских терминах — Лель. В старых крестьянских — тот самый святой Георгий, что открывает заслонку в небесном своде. В терминах современного маркетинга это лицо, этот взгляд, эта улыбка могли продать что угодно: от мужских трусов до политической программы. Так что идея космоса быстро охватила умы. Не знаю, повлияла ли его поразительная внешность на решение комиссии о том, кто в космос отправится первым, но Гагарин выглядел идеальным гостем из будущего. И он им стал. Верилось, что там — наверху в пространстве и впереди во времени — все будет такими, как он. Хотя бы такими же красивыми. И даже его трагическая смерть казалась красивой и полной смысла, потому что была смертью Икара.

Космонавты ненадолго заняли в СССР то место, что утратили поэты и еще не захватили рок-музыканты (разве что образом жизни в своем закрытом Звездном городке больше напоминали крепостных артистов на строгой диете и с изнурительным фитнесом). Заняли, но не удержали! Ни один из них и близко не обладал способ-

ПАМЯТНИК (1980) РАБОТЫ СКУЛЬПТОРА ПАВЛА БОНДАРЕНКО НА ПЛОЩАДИ ГАГАРИНА

КОСМОНАВТЫ НЕНАДОЛГО ЗАНЯЛИ В СССР

то место,
что утратили поэты
и еще не захватили
рок-музыканты

ностью Гагарина поражать с первого взгляда и врезаться в память навсегда. Между ним и неразличимыми белесыми личинками со стеклянными головами-скафандрами оказалась такая же космическая разница, как между прямой и кордебалетом. И не говорите, пожалуйста, что все дело в слове «первый».

Америка счастливо перебесилась еще в 60-е: обтекаемыми и очень смешными кадиллаками, чьи задние фары подражали ракетным соплам. Но у нас, конечно, был свой путь. Мальчики, мечтавшие стать космонавтами, росли. Становились водителями троллейбусов, слесарями, бухгалтерами, комсомольскими жожаками, как если бы бабочки переживали обратное превращение в гусениц. Но энергия мечты не ушла. И в 1990-е Москву заполнили иномарки омерзительного цвета «металлик». Новые, потрепанные, совсем развалюхи. Ну просто не повернуться. Кто не достал оригинальной масти, обратился к цыганскому перекасу. Дизайнерская мысль пирировала. Металлик с шампанским. Металлик с молоком. Металлик серебристый. И тут меня осенило. Москву бороздили маленькие личные корабли «Восток!» Металлики продержались до начала нулевых, и наконец из мечты о космосе для всех и каждого, по видимому, была высосана последняя капля меда, и сама эта мечта была отпущена на волю.

А что же девочки? Для нас первой космической дамой была, конечно, никакая не Валентина Терешкова, а Алиса Селезнева из позднебрежневского сериала «Гостья из будущего». Это мы, гадкие утята в страшненькой коричневой школьной форме, нестерпимо кусавшейся под мышками, с мерзкими бантиками, которые к тому же надо было наглаживать, утешались тем, что будущее настанет. С ужасом подсчи-

тывали, что в 2000 году нам будет... больше двадцати! Идея эта была так же невозможна в сознании, как цельность акулы в инсталляции Дэмиена Херста. Поэтому казалось, что в будущем мы окажемся теми же девочками, но уже Алисами Селезневыми: самыми клевыми в классе, в красивых лаконичных платьях лунного цвета и с прической «паж». И знаете что? Так оно и вышло. Ну и что, что мы стали тетями: нужные платья лунного цвета до сих пор болтаются на вешалках Alexander Wang и Martin Margiela.

СНИМОК (1961) ИЗ АРХИВА ЖУРНАЛА «ОГОНЕК»

ОГОНЕК